

АЛЕся ЛИСОВСКАЯ

КРЫЛАТЫЕ

Алеся Лисовская

Крылатые

«Автор»

2026

Лисовская А.

Крылатые / А. Лисовская — «Автор», 2026

Мир, что строится на огромной горе и стремится бесконечно ввысь, делят между собой люди и крылатые. Окруженные бескрайними просторами неба и летающими островами, люди не чувствуют себя в безопасности. Невидимая угроза всегда тяготеет над ними. Ведь крылатыми не рождаются. Ими становятся люди в результате отбора и мутации, а те, кто навеки изменили свой облик и обрели крылья, навсегда забывают прошлое и родных. Они улетают и никогда не возвращаются, оставляя в сердцах людей незаживающие раны, боль утраты и ненависть к тем, кто спускаются с неба за новой жатвой. Ари не хочет смириться с уделом людей – молча наблюдать за полётом крылатых и молиться о том, чтобы они не забрали родных. Она – воплощение упрямства и ярости. Она – особенная, и готова бросить вызов устоявшимся правилам. Её ждёт путь наверх – туда, откуда не возвращаются. Но хватит ли ей сил дойти до конца? Вас ждёт: Необычный мир Противостояние Предательство Любовный треугольник Любовь на грани отчаяния Сюжетные твисты

© Лисовская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Начало пути	5
Глава 2. Под пологом ночи	11
Глава 3. Ошибки и их последствия	16
Глава 4. Завтра	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алеся Лисовская

Крылатые

Глава 1. Начало пути

— Тати Мгар, зачем мы пришли сюда? — двадцать пять учеников — все десяти-тринадцати лет — столпились позади старца, что привёл их на Плато Старейшин.

Взъерошенные, суетливые они были похожи на беспокойных шикши́мышей, по очереди, с опаской выглядывающих из своих нор. От учителя же, облачённого по традиции в длинную светлую хламиду, веяло тревогой и затаённой грустью, отчего он, насквозь седой, казался даже старше своих лет.

— Ты будешь рассказывать, как устроен наш мир и что гора-мать Арма-Хадж старше ветров и солнца? — спросили самые любознательные из детей.

— Мы всё это знаем! — тут же возмутились и запротестовали самые нетерпеливые, не удосужившись даже услышать ответ.

— А нас не будут ругать? Теперь нам можно приходить сюда? Ай! — остроносый тощий мальчонка вскрикнул и схватился за шею, затем обернулся к товарищам.

До красноты растирая ушибленное место и полыхая взглядом, он пытался вычислить, кто из них выстрелил в него ягодой из плевалки, и уже вынул из-за пояса свою.

Тати Мгар молчал. Он шёл не спеша, опираясь на деревянный посох, что вырезал когда-то для отца, а теперь вот этот посох пригодился ему самому. Хорошая вещь. До сих пор сохранилась.

Мысли об отце напомнили о быстротечности жизни. Казалось, ещё вчера он и сам был ребёнком и с лёгкостью мог взобраться на любую возвышенность или дерево, прыгал с грацией вэйпы по странствующим островам, с азартом бил рекорды по ловле рыбы на гарпун, сделанный им же — вот этими руками. А потом, когда стал постарше, побеждал в состязаниях, и лучшие девушки посёлка оставляли ему послания. Тайно. Кто втыкал в стену стрелу, кто приносил дикие ягоды в листьях либпы, кто — трофей с берегов матери-реки Иссы. Тати Мгар невольно усмехнулся, а на глазах проступили слёзы.

Время. Как быстро оно течёт. Оно иссушило его руки, обнажив синие вены, сделало немощным и дряблым тело, забрало силу, которой раньше наполняло с лихвой. Он изменился. Сейчас даже поход сюда требовал собрать волю в кулак. Уже ушли многие из его сверстников, и ему недолго осталось, а солнце всё то же и мир мир всё так же красив.

Несколько ягод угодило ему в спину и руку. Случайно. Тати Мгар сделал вид, что не заметил. Дети любили его и, окружившие учителя шумной стайкой, смолкли, стоило ему остановиться и повернуться к ним лицом. Они ждали. Сюда им позволялось приходить только с родителями или если объявят общий сбор. Но тогда дозорный должен протрубить в рог, а сейчас рог молчал. Так почему они здесь?

Всматриваясь в каждого в этой внезапно образовавшейся тишине, нарушаемой лишь песней ветра и шелестом леса, что остался позади и окружал плато полукругом, Тати Мгар ловил их пытливые взгляды и думал о будущем.

«Что их ждёт? За кем из них однажды «придут» те, кому здесь не рады? По ком будут лить слёзы матери? А кто, как и он, останется один навсегда?»

Тати Мгар подвёл детей к самому краю Плато. Ещё пару метров и — обрыв. А там — бесконечный простор, царство ветров и небесных светил, мир летающих тварей, странствующих островов и ненавистных крылатых.

Дети, не сговариваясь, расставляли руки, ловя пальцами прохладные потоки воздуха, и их лица расплывались от переполнявшего, неподдельного счастья. Они перебрасывались взглядами, плохо скрывая улыбки. По их смущённым и хитрым мордашкам без труда читалось всё, о чём они думали. Но об этом нельзя говорить. За любое упоминание крылатых без веской причины можно получить наказание, но каждый, кто хоть раз видел полёт этих созданий, мечтал в тайне, один на один с ночной тьмой, глядя куда-то вдаль — каждый мечтал иметь крылья. Только цена слишком уж высока.

Тати Мгар улыбался, глядя на своих воспитанников. С теплом и тоской, что отозвалась болью в груди. Он читал их мысли и желания так же, как когда-то — мысли и желания своих друзей.

Дети Как мало они ещё знают, и как это здорово — быть в начале пути.

— Тати Мгар, а вы когда-нибудь поднимались выше? — чей-то голос вырвал старика из задумчивости.

Дети расселись на плато перед ним, с удовольствием поскидывая обувь. Они зарывались пальцами ног и рук в мягкий, прогретый солнцем мох и кудрявую низкорослую траву-игринку. Перед ними расстилались бескрайние просторы неба и облаков, угадывались силуэты птиц. Мгар же смотрел им за спины, на раскинувшийся перед его взором лес, полный жизни и звуков, видел синевато-зелёный остов матери-горы Арма-Хадж, уходящий высоко ввысь и скрывающий за пеленой облаков другие плато, на которых расселились соседние племена.

А где-то там, выше всех этих плато, живут крылатые. Никто не знает, выют они гнёзда или, как люди, строят дома, охотятся на зверьё или довольствуются нектаром дивных цветов. А главное, никто не знает, какова судьба тех, кого они забрали с собой.

— Тати Мгар! — Эрней снова подал голос, этот мальчишка всегда был напористым. — Вы когда-нибудь поднимались выше? — повторил он, и даже те, кто только что нежились в траве, приподнялись, чтобы не только услышать ответ, но и увидеть то, что не будет сказано.

Двадцать пять пар глаз смотрели на учителя и терпеливо ждали, а он молчал. Знал, что должен солгать. Так, как когда-то врал ему и таким же, как он. А что, если сказать правду?

— Наш закон запрещает путешествия. Это слишком опасно. Все, кто уходили вверх и кто решал спуститься вниз, считаются погибшими. Каждое племя охраняет свой народ и свои секреты. Никто не вернулся назад, не передал о себе весть.

— Совсем нельзя? — изумилась Фии, округлив большие глаза цвета мёда.

— Можно! — возразил Тош, озорной рыжий мальчишка. — Я слышал, когда дядя Вэдс заболел, чтобы его вылечить понадобился сок гайвоки. Добыть гайвоку — целое испытание. Это редкое опасное растение, у него есть щупальца, а зубы не меньше, чем у вэйпы. А её сок — и не сок вовсе, а настоящий яд. В общем, за ней снарядили отряд. Нашим пришлось спускаться вниз, к тарнийцам. А ещё мой папа так встретил маму! Он долго не хотел жениться, и старейшина разрешил ему подняться к аргалам

— Так ты наполовину аргалец? А разве они не ходят на голове и не едят руками? — Фии прыснула со смеху, а мальчонка, подавший голос, окрылился.

— Я — кирблец, как и ты, дура! Вот подвешу тебя за пятки к дереву, посмотрим, кто из нас кто!

— Хватит, — встрял Тати Мгар, устав от их болтовни. — Люди везде одинаковые. Везде. А путешествовать можно, с разрешения старейшин. Для этого должна быть веская причина. Как те, что назвал Тош, — Тати сделал паузу и завозился, пытаясь встать. — Сегодня я хотел показать вам, что наш мир велик. Он намного больше, чем мы можем себе представить. Но место каждого из нас, там, где его дом, даже если мечты уносят нас намного дальше. А теперь я расскажу вам по расстановку на отборе, про то, как вы должны вести себя, когда зазвучит рог...

— А где Ари? — вдруг раздался вопрос, и все стали оглядываться в поисках девочки.

— Тэма и Нея тоже нет, — добавила Фии.

Тати Мгар быстро обвёл взглядом своих воспитанников. Так и есть. Это троица не пришла урок. Эта неугомонная троица!

— Далеко! — заорал Тэм.

Тэм был светло-русый мальчишкой. На вид лет тринадцати. С тёмными карими глазами и веснушками, одетый, как почти все королевские дети этого возраста, в неброскую туннику цвета травы и такие же штаны. Он выставил руку, словно предостерегая, но Ари уже было не остановить.

Темноволосая, гибкая девчонка взяла разбег и сорвалась с места. Мышцы разогрелись мгновенно, чёрные глаза горели азартом. Странствующий островок-«черепашка», так эти островки называли дети, парил в воздухе ещё далеко, но ждать, пока он приблизится, больше не было сил. Добежав до края обрыва, Ари оттолкнулась и прыгнула. Под ногами разверзлась пропасть, и сердце замерло на пике ужаса и блаженства, но уже через мгновение девчонка почувствовала удар. Руки мягко вошли в мох, а колено пронзила боль, заставив взвыть.

— Ари! — закричал Тэм.

Нея, в чьих чертах лишь отдалённо угадывалось сходство с братом, стояла рядом, теребя светлую, выгоревшую на солнце, прядь волос и испуганно глядя на неудачно приземлившуюся подругу. Её милое личико застыло в напряжённом ожидании.

— Ари, ты как? — осторожно спросила она.

Та из позы на четвереньках переместилась на попу, и стало видно, что под мхом оказался достаточно крупный камень и колено разбито в кровь.

— Дьярт! — выругался Тэм, а Нея закрыла руками рот.

— Нам достанется за это! — пробормотала она.

— Мне не больно, — прошипела на них Ари, попытавшись встать. По её искаженным чертам было видно, что это ложь.

— Подвинься, — сухо буркнул Тэм, и Нея, поняв, что её брат собирается прыгнуть, побледнела.

Она попыталась схватить его за руки, но он бросил на неё такой взгляд, что стало ясно — всё бесполезно.

— Тэм, не надо! — взмолилась она. — Тэм, стой!

Куда там. Если эта парочка что-то решила, им хоть кол на голове теши. Он уже бежал. Нея зажмурилась, когда брат оттолкнулся от края обрыва.

Она открыла глаза, лишь услышав их смех. Эти двое сидели на «черепашке» счастливые до бесстыдства! Тэм закинул руку на плечи Ари. Им было хорошо вдвоём. Без неё. Они, конечно, любили её и никогда не оставили бы в беде, но Нея всё же почувствовала себя одинокой. Она никогда не решилась бы прыгнуть! Да если в посёлке узнают, с них шкуру сдерут! А они смеялись.

Да, им было хорошо без неё. Эта мысль была неясной, скрытой. Обычно её удавалось легко прогнать, но сейчас она кольнула в сердце особенно больно.

— Вы чокнутые! — закричала Нея, сжав кулаки, но это лишь ещё больше развеселило их. — Чокнутые!!!

— И что мне делать теперь? — немного остыв и задавив подступившую к горлу обиду, спросила Нея.

— Иди домой, — крикнул Тэм.

— Тогда мама в два счёта выведает, где вы, — возразила Нея.

— Это да, — проворчал брат. — Мама и мёртвого разговорит.

— А можешь переночевать здесь? — спросила Ари. — Сделай гамак из лиан. Ты же лучшая по плетению. Мгар так хвалит тебя.

— Ага, — вяло проворчала подруга и добавила себе под нос. — А если меня сожрёт вэйпа? Ну, почему мы из-за тебя всё время куда-то встречаем!

— Спасибо за помощь, Нея! — крикнула Ари, чтобы подбодрить девочку и, очевидно, приняв её молчание за согласие, а та уже занялась делом, выискивая самые молодые и гибкие лианы, плотно обвившие деревья, и срезая их острым ножом. Нужно было собрать и сплести таких пару десятков.

Времени до заката осталось немного. А между тем тень от парящего островка уже накрыла её, расплзаясь по плато чёрным пятном. «Черепашка» поднималась всё выше.

— Ладно, что дальше? — спросил Тэм.

— Мм? — Ари бросила на него такой взгляд, от которого он невольно покраснел.

Хорошо, что вечернее солнце тоже становилось красным, значит, она не заметит. Яркие лучи обрисовывали её контур, путались в волосах, и Ари казалась ему очень милой. Сколько раз он влипал в неприятности из-за этой её улыбки и задорного взгляда, который будто спрашивал: «А тебе слабо?» Да если бы не Ари, его уже сделали бы старшим костровым и ставили всем в пример, только эта девчонка не давала ему покоя. С ней он терял голову, влезал в переделки, от которых у взрослых волосы вставали дыбом, и лишь потом спрашивал себя: «Зачем?» Ещё чаще, голосом его всегда бдящей совести, об этом спрашивала Нея и, конечно, мама.

«Ари». Тэм взглянул на её разбитое колено, подумал, что стоит поискать кравйн — траву, что останавливает кровь, да только Ари не любит, когда он слишком заботлив. За такое можно и огрести.

— Мы здесь. Какой план? — уточнил он. — Ты говорила, что расскажешь потом.

Опять этот взгляд. Тёмные глаза с искрами сумасшедшинки глядели ему прямо в душу.

— Ладно, — Ари чуть помедлила, будто собираясь с мыслями или сомневаясь, стоит ли делиться с ним своей тайной. Решилась. — Ильда сказала, что чувствует во мне божественную искру, — с восторгом в голосе прошептала девчонка. — Я знаю, ты не веришь во всё это, но что, если у меня получится?

— Что получится? — Тэм потерял нить разговора, на мгновение представив, каких отборных глупостей могла наговорить местная шаманка. Старейшина и члены Совета, конечно, прислушивались к её бредням, но вот уж у кого не все дома. Папа, когда был жив, так всегда говорил. Может, потому-то она и не стала ему помогать. Может, было не так уж и поздно?

— Что, если я смогу управлять «черепашкой»?! — Ари просто сияла. — Эй, — она легонько ударила его в плечо, потому что Тэм слишком долго молчал.

— А? — Тэм отмер и кивнул головой. — Отлично! Отлично. Тогда ты будешь первой, кто это смог.

За свой скепсис он получил удар в плечо посильнее.

На поиски детей отправили пятерых дозорных. Отправили бы больше, если бы речь шла о ком-то другом. Эта троица взяла моду пропадать слишком часто, и все знали, дети вернутся к утру, самое позднее к обеду. И всё же Тати Иаф не хотел рисковать.

Тати Мгар не мог уснуть — сон не спешил. Если бы он мог, то пошёл бы в дозор, но что толку от полуслеплого немощного старика? Потому он пытался успокоиться и не мешать. Только вот мысли то и дело возвращали его в прошлое.

За эти годы Мгар многое рассказал детям. Про то, что мир их — горный массив, уходящий вверх и вниз так далеко, что кто знает, есть ли ему конец. Про соседние племена, с которыми у них налажен обмен. Про законы, охраняющие их мир от таких же людей. Про крылатых

и отбор. Про то, что если дозорные дуют в рог, значит, идёт беда. Крылатые не снисходят до людей без причины.

Они держатся так, словно люди — ничто, а они — высшая раса. Быть может, всё так и есть. Да только за то, что они могут парить в небесах, слёзы льются здесь, в этих посёлках. Крылатыми не рождаются. Крылатыми становятся люди. Избранные на отборе. И те, кто уходят, больше не помнят своих. Они меняются внешне, становятся совершеннее и забывают родных навсегда.

Проклятье это или спасение? Никто не знает. Никто.

Крылатые знают. Но они не говорят с теми, кого считают ниже себя. Они слишком горды.

Да, за эти годы Мгар рассказал многое. Про крылатых, отбор и Пламя. Карающий столп, что поражает каждого, кто осмелится пойти против воли богов. А боги всегда на стороне крылатых. Боги глухи к крикам и слезам людей, к их боли.

Воспоминания хлынули, точно река прорвала плотину, и Мгар схватился за сердце, в груди сдавило, и он смял кулаком тунику. Его Анника среди них. Они забрали Аннику! А ведь она ждала дитя. Слёзы полились из глаз. А он думал, что они давно кончились, высохли. Ведь это было столько лет назад.

Когда она переродилась, дитя уже не было. Своими тогда ещё зоркими глазами он видел её красивый плоский живот. Она не обернулась на его крик. Уходя, они никогда не оборачиваются, не помнят даже своих имён...

Дьярт! Это всё ученики! Сегодня они разбередили его душу, заставили так много вспомнить.

— Тати Мгар, а вы когда-нибудь поднимались выше? — этот вопрос звенел в голове, как если бы его задали только что.

Мгар слышал его вновь и вновь в тишине, что нарушал лишь стрёкот цикад. Он закрыл рот, зажал его рукой, пытаясь заглушить рвущиеся наружу рыдания. Тонкие стены хижины, сплетённые из лиан, надетых на деревянный каркас, не были надёжной защитой от звуков. Тише. Тише.

Им едва ли исполнилось двадцать, когда они пошли. Не сказав никому, пятеро друзей отправились в путь. Поднялись на плато выше. Дозор аргальцев обнаружил их не сразу, на третий день. Его ранили стрелой, и Мгар, вынудив нож, закричал друзьям, чтобы шли без него. Боя не было. Сориентировавшись в последний момент, Мгар повёл преследователей за собой. И четырём его друзьям удалось продолжить путь. Сам же Мгар потерял слишком много крови и чудом избежал казни.

Аника спасла его. Она лечила его, поднося к ослабевшим губам чаши с травяными отварами. Она окуривала хижину, в которой он лежал, делала примочки, молилась богам и смотрела в глаза. А он он никогда не видел столько любви, не знал, что сердце может таять от одного касания.

Она стала его женщиной и женой, заменила собой все мечты о далёком и непознанном. Она была для него целым миром. Она спасла его. И вот он — единственный из пятерых, кто выжил.

А Анника Что теперь с ней?

Друзей не стало. Мгар ждал их возвращения годами, но находил трупы.

Сначала погиб Кэйр, самый старший из них. Его разорвали вэйпы. Послы кимирьян передали «презент» от женщины, отбившей останки человека у гийен. У Кэйра на плече была наколка — чёрное солнце. Женщина срезала лоскут кожи с рисунком — что уж теперь мертвецу. Так Мгар узнал, что Кэйра похоронили на чужой земле, оставив всё, что у того было, себе в дар.

Потом погиб Зууф. Зууф был достойным лекарем. Он разбирался в травах, умел делать мази и чувствовать болезнь. Его взяли в плен илийцы и хотели казнить, но утром нашли его отравленным — он принял яд. Мгар узнал об этом от странствующих торговцев, что хотели обменять вещи пленника на стрелы и поделки местных мастеров.

Потом Рувуш. Младший и самый добрый. Он был Мгару как брат. Его труп нашли на одном из летающих островов. Даже не тело, а кости, опознать по которым человека было нельзя, но в руке он держал свой кинжал — время не тронуло его. Сбросили ли Рувуша недруги или не удержался сам? Кто теперь знает. Суть одна.

Мгара к тому времени уже выбрали старейшиной, и дозорные знали, что даже спустя столько лет он ищет своих друзей. Они привели его к островку, пришлось прыгать, хоть было страшно. Кинжал Равуша Мгар узнал. Это был его подарок.

А Тэдор просто пропал. За столько лет он не объявился, не передал весть. Уж если не люди, то крылатые точно убили его. Сомнений нет.

Мгар закусил кулак. Эти воспоминания совсем доконали его, сердце то замедлялось, то начинало бешено биться. «О, Анника. Если бы ты была здесь!»

Глава 2. Под пологом ночи

— Ари, — несмело позвал девчонку Тэм.

Она сидела на коленях и напоминала каменного истукана — так долго не двигалась, запустив пальцы в мох и закрыв глаза. А ночь приближалась. И чем плотнее сгущалась тьма вокруг, тем тревожней становилось на душе. И даже зажёгшиеся повсюду звёзды, яркие, большие, как огни факелов, не могли рассеять пробудившийся внутри страх.

Что если они просчитались? Что если «черепашка» изменит маршрут? Да, они тысячи раз следили за ней и другими такими же, знали, что «черепашки» летают вдоль их плато, то чуть спускаясь, то поднимаясь немногим выше деревьев, а после снова идут на спуск. Но что если?

— Ари, — он тронул её за рукав, теряя терпение.

Пока садилось солнце, они успели насладиться его теплом, полюбоваться открывшимся видом на свой мир. Потом стало холодно. Какое-то время они лежали рядом, прижавшись, согревая друг друга, и так не хотелось, чтобы это закончилось. Но потом она сказала: «Пора» и «Ты только не мешай, ладно?», села у самого края и замерла.

Кровь густо пропитала её разорванную штанину. Губы едва заметно шевелились. Пряди волос ложились на лицо. «Что там напела ей эта шаманка?» Тревога вдруг сменилась злостью. «Ну и достанется им завтра. Мама, наверное, уже извелась. Злитесь. Конечно, злитесь. Небось уже десяток прутьев сломала о его спину в своих мыслях. Их высекут — это точно, прямо у Великого пламени. Если они вернутся. Если Вот уж кого стоило выпороть, так это косматую Илду!»

— Ари! — он положил руку на плечо девочки.

— Ну что тебе! — зашипела она, не скрывая недовольства. — Я же просила, не мешать!

— Ты же понимаешь, что это бред? Никто не может управлять островами! — выпалил он совсем не то, что хотел сказать.

— Да?! — Ари встала, и Тэм прикусил язык, так гневно она смотрела.

— Иначе бы люди давно летали! — он всё же не сдержался, слова вырвались сами собой, и он тут же пожалел об этом.

— Ну и пусть. Другие не летают, но что, если я.., — Ари запнулась, не решившись произнести последнее слово вслух, слишком дерзко оно бы звучало.

Тэм попытался обнять её, но не вышло. Она выставила руку, не позволила. И смотрела зло, с обидой. Словно обвиняла в том, что он не верил в неё. Он — её самый лучший друг!

— Что, если ты — особенная? — закончил он её мысль и добавил тихо — так, чтобы было не слышно. — Ты особенная, Ари для меня.

— Можно? — Тэм опустился рядом. Он всё-таки нашёл крапин и сорвал самый большой лист.

Не дождался ответа. Ари сидела, подтянув к груди менее пострадавшую ногу и уткнувшись в неё головой так, словно отрешилась от всего и всех. И тогда Тэм оторвал кусок её штанины, что и без того мотылялся ненужным тряпьем, приложил лист и сделал повязку.

— Вот так лучше, — закончил он.

Ари шмыгнула носом, подтянув к себе и эту ногу.

— Эй, — окликнул её Тэм. — Ты что? Раскисла?

Он сел близко, как мог, и обнял её за плечи. Увидел блеснувшие в свете звёзд и луны слёзы.

— Я думала, что смогу, — прошептала она.

— Ну ты же понимаешь, что.., — снова завёл свою песню Тэм, но Ари не стала слушать.

— Мне просто надо больше времени! — запротестовала она. — Я знаю, что смогу. А ты ты не веришь в меня. Ильда предупредила, что тебе нельзя говорить! Не нужно было брать тебя с собой! Ты мне мешаешь! — последнее она почти выкрикнула, и слова больно полоснули мальчишку.

Тэм убрал руку и отодвинулся. «Дьярт!»

Они сидели в тишине какое-то время, не шевелясь и погрузившись в свои обиды. «Черепашка» парила чуть выше их плато. Ветер разогнал тучи, и небесные светила засияли во всю мощь. Отсюда открывался чудесный вид на дом.

Плато и этот дикий лес на нём — их дом. Там в глубине, скрывается их посёлок. И ещё несколько таких же. Там, в посёлке, Тэма ждёт мать. Ворчливая, немного резкая женщина. И старейшина Иаф — тот, что строит из себя кремень, а на деле — добряк Он, наверняка, волнуется.

А там, чуть правее, в гамаке спит или крутится с боку на бок Нея, следя за их путешествием. А может, она уже потеряла их из виду, ведь ещё с десяток «черепах» также плывут по небесной реке.

— Смотри!

Кажется, Тэм стал засыпать, и когда Ари схватила его холодной, как лёд, рукой, он вздрогнул. Проследив за её взглядом, он тоже увидел их. Трое мужчин с факелами вышли из леса. Они вели четвёртого. Тот что-то кричал и сопротивлялся. Разглядеть, кто это, откуда не представлялось возможным, а вот заметить «путешественников» могли.

— Пригнись, — Тэм заставил Ари опуститься ниже, и дети распластались по мягкому, как ковёр, впитавшему прохладу ночи, мху.

— Что это? Тэм! Что происходит? — прошептала Ари. В её голосе звучал страх, но у мальчишки у самого мурашки бежали по рукам и спине.

Люди в плащах подвели пленника к краю плато. Он орал что-то и упал на колени, дёргался, как в конвульсиях, но руки его, похоже, были связаны. Трое, пленивших его, застыли, как палачи. Они и есть палачи! Тэм смотрел на них во все глаза и уже знал, что увидит сейчас, но не мог отвести взгляд.

— Тэм, кто это? Что они делают? Зачем? — прошептала Ари, и мальчишка поспешил закрыть ей глаза, прежде чем мужчину столкнули.

Палачи успели завязать ему рот, и тело, молча дёргаясь, точно гигантский червь, летело в бездну, обречённое на верную смерть — медленную и мучительную, если полёт будет долгим, или быструю, если разобьётся о какой-нибудь остров.

Они лежали, обнявшись. Ари, прижавшись к нему всем телом, затихла, и Тэм, уткнув подбородок в её макушку, слушал, как она дышит, чувствовал, как бьётся сердце, как она дрожит, как её волосы щекочут шею. Если бы он мог защитить её Если бы он знал, как Как сделать её счастливой? Как исправить то зло, что случается.

Убийство запрещено законом. Кто эти люди, что нарушили закон? И зачем?

«Черепашка» продолжала свой путь, то набирая высоту, то чуть уходя вниз. Ужасно хотелось спать, есть и пить. Мысли парили плавно, так же медленно, как плыл их островок. Тэм вспоминал слова, которые не раз повторял учитель.

«Человек слишком несовершенен, чтобы носить крылья». Значит ли это, что крылатые забирают лучших? Значит ли это, что человек опасен? Кто эти люди, осмелившиеся на такое под покровом ночи?

Тэм уже задремал, когда сонную тишь разрезал громкий душераздирающий крик. Он узнал бы этот голос где угодно:

— Нея?!

Кричала сестра. Тэм не сомневался ни на миг, что кричала она, но этот её крик оборвался на самой высокой ноте.

— Нея! — Тэм едва не вскочил, но проснувшаяся Ари навалилась на него всем телом, заставив снова лечь и не выдать себя.

Сейчас она была мудрее его, и он уступил. Только сжал кулаки, до боли вглядываясь в ночную мглу. Там, где должна была спать сестра, теперь было тихо. Слишком тихо. Это не зверь. Не вэйпа, не змееголов, не длиннохвост. Нет! Это люди.

— Пойдём! — Ари чуть приподнялась и потянула его за собой.

Вторая «черепашка», куда больше этой, неспешно проплывала рядом. Она «шла» быстрее, держа курс на плато.

— Надо прыгать, — сказала девчонка.

Тэм лишь махнул головой, скривившись точно от зубной боли.

— Слишком далеко. Я смогу, ты со своим коленом — нет. Да и места для разбега мало, — твёрдо произнёс он.

— Надо, — повторила Ари уверенно, и Тэм взглянул на неё тем тяжёлым взглядом, в котором было и уважение, и желание хорошенько вздрючить.

У него не было сил спорить. Она всё равно прыгнет.

Тэм прыгнул первым, Ари — за ним. Пришлось сгруппироваться и перекатиться, но Ари, перевернувшись через голову, нечаянно боднула его в живот. «Дьярт!» Мальчишку скрутило от боли.

— Прости! Прости! — засуетилась девчонка, не зная, куда деть руки, чтобы помочь. Тэм только шипел на неё.

Спустя пару минут Ари, смирившись, оставила его в покое, и теперь он лежал скрюченный, силясь заметить хоть намёк на движение у кромки леса — там, где осталась ночевать Нея.

Ари же села у «носа» «черепашки» и воткнула пальцы в густой прохладный мох. Она пыталась почувствовать что-то, что-то ещё, что-то кроме прохлады и щекочущих пальцы касаний. Она словно искала душу камня, его божественную искру и просила, молча, но так что голос внутри звенел:

— Прошу тебя быстрее! Я прошу! Ну быстрее же! Нам очень надо домой! Отвези нас! Это так важно!

Чудо не произошло. Они вернулись домой ближе к вечеру. Спрыгнуть на плато смогли лишь утром, оставшееся время ушло на поиски Неи. Сестрёнка словно провалилась сквозь землю, а к обеду у Ари распухла нога, и она едва могла идти. Тэм с трудом дотащил её до посёлка.

Люди уже начали подходить. Они молчали, но глаза говорили хлеще слов. Тэм отводил взгляд, не в силах выдержать столько осуждения. Всё больше и больше односельчан собиралось вокруг, выходя из хижин и бросая свои дела. Тэм знал, в этот раз дело не удастся замять. Но вперёд его вела надежда, что сестра давно дома, а эту ночь они просто должны забыть.

Вот уже впереди показался Тати Иаф — как всегда в длинном светлом балахоне, обвешенный ожерельями, что позвякивали при каждом движении. Он был далеко не молод, но ещё не стар. На мужественном лице застыли немой укор и печаль. Позади старейшины, опираясь на посох, остановился седовласый и грустный Тати Мгар. Он чаще глядел себе под ноги, чем на прибывших: была и его вина в том, что они ушли.

Тэм шёл, и Ари опиралась на него. Он знал, что ей страшно, чувствовал, как она сжимает его ладонь. Он надеялся спрятать её ото всех в своей хижине. Клялся, что это в последний раз.

Впредь они будут послушными и не нарушат ни закон, ни негласные правила, что Тати Мгар да и любой другой взрослый вдалбливали в них с малолетства едва ли каждый день.

Из хижины выскочила мать — высокая светлокудрая женщина со впавшими щеками и ввевшейся в лицо тоской, что появилась сразу после смерти отца. Тэм уже плохо помнил, когда она в последний раз смеялась от души, когда была счастливой настолько, что могла расслабиться. Он остановился, вглядываясь в тени у её серых глаз, всё ещё надеясь, а она она смотрела им за спины, ища глазами дочь. Он понял это сразу. И надежда рухнула, а сердце ушло в пятки.

Нея не вернулась.

На немой вопрос матери: «Где она?» Тэм не ответил. Лишь побледнел так, что ответ стал не нужен.

— Где моя дочь? — прошипела Тэгра, и глаза её, и без того красные, наполнились страхом. — Где моя дочь?!

Она рванулась к Тати Иафу и схватила его за грудки, сминая лёгкую ткань балахона под толстым слоем ожерелий. Одна из нитей лопнула и упала им под ноги.

— Иаф! — голос женщины был полон мольбы и страха. — Пожалуйста, найди её. Я прошу.

Она вдруг отпустила мужчину, ещё не оправившегося от её выходки, и обратилась ко всем:

— Вы все должны помочь мне искать её! Слышите?! Все!

И люди засуетились, загалдели, прикидывая, что стоит взять с собой и сколько это может занять времени. Кто-то уже сорвался с места.

Тэм почувствовал, как рука матери впилась в его плечо. Больно.

А ещё он увидел, как она посмотрела на Ари. С холодной ненавистью. Так смотрят на врага, которого ненавидят люто, всей душой и никогда не простят.

— Тэгра! Она здесь! Тэгра! — вдруг раздались голоса и понеслись по посёлку, передавая радостную весть. — Она здесь, Тэгра. Твоя девочка здесь. Всё хорошо.

Люди выдохнули. На суровых лицах то там, то сям стали появляться несмелые улыбки. Молодой дозорный вёл Нею, и все расступались, освобождая дорогу. Тэм тоже смотрел на сестру. А она на него. И он должен был прочесть что-то в её взгляде. Она явно хотела что-то сказать, но он никак не мог понять что.

Тэгра бросилась к дочери и обняла её, сильно сдавив в объятиях. Девчонка скривилась, и когда Тэм увидел то, от чего на мгновение перестало биться сердце.

— Доченька! Доченька, — руки матери дрожали, когда она отстранилась, чтобы взглянуть на свою малышку.

Она судорожно принялась гладить её волосы, словно пытаясь сложить волосок к волоску, целовала её лицо. А Тэм не спускал глаз с расплывшегося по платью матери окровавленного пятна. Нея молчала.

— Их должны наказать! — вдруг кто-то выкрикнул зло.

— Это справедливо!

— Так должно быть! Правила племени не для того, чтобы их нарушать.

— Сколько ты будешь потакать им, Тати Иаф?

— Мы правильно говорим, Тати Мгар? В былые времена с них давно бы уже шкуру спустили.

— Дети едва живы! — запротестовала Тэгра, вставая между распалывшейся толпой и нерадивой троицей.

Сейчас мать походила на разъярённую вэйпу и готова была разорвать любого, кто посмел бы приблизиться, но и люди не отступали. Ари, застывшая точно тень возле Тэма, сцепила свои похолодевшие пальцы с его. Нея жалась к брату с другой стороны. Похоже, в этот раз они действительно перешли черту и наказания не миновать.

— А что им сделается? — протянул долговязый Клык, один из самых удачливых и опытных охотников — тот, к чьему мнению всегда прислушивались. Он опёрся о деревянного истукана, вросшего в землю, и глядел на Иафа пронзительно — так хищник следит за добычей. — Мы все однажды становимся взрослыми. Жизнь — жестокий учитель. Не наша ли задача научить детей брать ответственность за свои поступки?

— Выжили, значит, и порку переживут! — бросил кто-то, поддержав Клыка.

— И другим неповадно будет!

Толпа разразилась новыми выкриками. Поняв, что глас народа не унять, Тати Иаф поднял руку, призывая всех к тишине, и голоса тут же стихли.

— Хорошо, — сказал он. — Я услышал вас. Суд будет утром.

Вот и всё. Своё слово придётся сдержать. Иаф поймал встревоженный взгляд собственной дочери. Йулли. Его прекрасная Йулли. Она осуждает его? Ещё совсем недавно она помещалась у него на руках, когда он укачивал её перед сном, а теперь вот ждёт совершеннолетия и готовится к свадьбе. Она стояла чуть позади всех красивая и растерянная.

Тати видел, дочь хотела поднести детям воды и уже держала в руках чашу, но кивком указал вернуться в хижину и последовал туда же за ней.

Нужно поставить точку. Уйти. Тогда и люди разойдутся. И будет время подумать. Он должен быть справедлив. Должен. Детей придётся наказать. Даже несмотря на то, что дело касается Ари.

Слова старейшины успокоили киролецев, и те и вправду стали расходиться, а Тэгра, всё ещё опасливо озираясь, подтолкнула троицу к хижине, да только когда Тэм и Нея прошли внутрь, она исхитрилась и заслонила собой проход. Ари подняла на неё взгляд и увидела глаза полные бешенства.

— Пошла вон! — едва слышно прошипела затаившая злость женщина, и Ари отшатнулась, нога тут же отозвалась болью.

— Пшла! — повторила Тэгра, и девчонка послушалась, едва ли понимая, за что.

— Мама! — Тэм оказался рядом и нахмурил брови, заметив, что Ари с трудом переставляя пострадавшую ногу, идёт прочь.

Хижина старейшины, ставшего её опекуном после смерти матери, была совсем рядом, и Ари явно направлялась туда, но ей было тяжело идти, да и не планировал он её отпускать! Тэм уже рванул за девчонкой, но мать остановила его, с силой вонзив цепкие пальцы в плечо.

— Иаф позвал её. Пусть идёт, — холодно произнесла она, а потом добавила так, что стало совестно. — Лучше бы сестру пожалел.

Тэм вздохнул. Мать дала ему выбор, идти или остаться, скрывшись за пологом, служившим дверью. А Ари шла, не оглядываясь, словно и вовсе забыла о нём, и он сдался. Всё же мама права. Он должен узнать, что случилось с Неёй.

Глава 3. Ошибки и их последствия

Убедившись, что сын поступил правильно и вернулся в «дом», Тэгра подхватила плетеную корзину с непросохшим после стирки бельём. Про то, что его нужно развесить, она, судя по всему, забыла, едва её настигла новость о пропавших детях. Движения женщины были резкими, нервными. Она явно занялась этим не столько потому, что было надо, сколько, чтобы чем-то занять всё ещё дрожащие руки.

— Пока ждала вас, сходя с ума, Йулли принесла горячие лепёшки. Ешьте, не то остынут, — без тени ласки в голосе велела мать, принявшись освобождать корзину.

Она развешивала вещи нервно, громко — так, что было ясно, бури не миновать. В воздухе от напряжения потрескивали невидимые разряды.

Нея стояла бледная. Опустив плечи и отойдя к дальней стене, она явно боялась попасть под горячую руку и потому молча наблюдала за этой сценой. Под остовом крыши в чёрной от копоти лампе дрожал несмелый язычок огня. На столе, накрытая тканевой салфеткой с вышивкой в виде расцветшего цветка, источала манящий аромат плоская с лепёшками. Они так пахли, что сводило живот. У Йулли лепёшки всегда получались вкусными. Но ни Тэм, ни Нея, несмотря на то что почти сутки ничего не ели, не спешили притронуться к еде. Надо было дать матери выпустить пар.

— Я даже не хочу ничего спрашивать! — говорила Тэгра, словно не замечая, что дети намертво приросли к земле. — Я, — её глаза опасно блеснули. — Сколько раз я просила, чтобы вы не тягались с ней! — мокрая туника хлопнула, расправляясь в воздухе, и Тэгра тут же накинула её на верёвку. — Нея, ты же сама говорила, что из-за неё вы всё время попадаете в беду! Так что ж теперь Доигрались?.. Так вам и надо!

Выплеснув это, мать на секунду замерла. То ли что-то вспомнив, то ли решив, что ещё в силах изменить ход событий, она нервно скомкала последнюю тряпку, швырнула её обратно в корзину и выскочила из хижины, оставив детей одних.

— Нея, — Тэм сорвался с места, схватил сестру за руки и увлёк за собой в соседнюю комнату.

Комнат у них было три. Одну — ту, в которой они только что были, использовали для семейных трапез и других занятий, а две небольшие комнатки по бокам, отделённые плетёнными занавесками, служили спальнями.

Раньше, когда был жив отец, в одной ночевали родители, а в другой — он с сестрой. Теперь одна комната принадлежала ему, а во второй поселились мама с Неей. Тэм повёл Нею к себе.

Сейчас, когда они остались наедине и он держал её за руки, Нея дала волю чувствам и карие глаза сестрёнки тут же заволокли слёзы. Дневного света пока хватало, чтобы разглядеть её лицо, и Тэм, ещё не разобравшись в чём дело, почувствовал накативший волной страх. В детстве он ужасно боялся грозы, когда тучи клубились чёрными вихрями, и ему казалось, что крылатые нападут на посёлок прямо оттуда — из разлившегося над головой чёрного марева.

Этот кошмар часто снился ему. В своих снах он видел дождь из горящих стрел. Видел, как чернеют и рушатся в огне хижины, как всё, что он называл домом, превращается в пепелище и он шёл по горящим углям, оглядываясь в поисках родных, ища хоть кого-нибудь, но кругом не было ни души. Все исчезли, бросив его наедине с простой истинной: он ничего не мог изменить. Ничего.

И сейчас он испытал нечто подобное. В полной мере ощутил свою беспомощность. Да, он не мог изменить того, что произошло. Только не он остался один, а она. Он оставил её одну. И он видел у неё во рту кровь.

— Нея, — Тэм снова позвал сестру, но она лишь крепче обняла его, уткнувшись лицом в грудь. — Я, — Тэм почувствовал, что в горле пересохло. — Ты не можешь говорить?

Девочка кивнула.

— Ладно. Ладно, — словно успокаивая самого себя, Тэм высвободился из её объятий и, подведя сестру к окну, попросил. — Дай посмотрю.

Он обхватил её лицо руками, и когда она открыла рот, увидел то, от чего закружилась голова и слегка замутило, он отвёл взгляд, дал себе отдышаться.

— Это стрелой? — спросил он внезапно охрипшим, сорвавшимся голосом. — Они про-
ткнули тебе язык?

Тэм скорее почувствовал, чем увидел, что Нея снова кивнула.

«О, дьярт!»

— Это из-за того, что мы видели? Мы должны молчать, да? Ты сказала про нас? — новая волна страха прокатилась по телу, всколыхнув множество вопросов и мыслей: про него, про Ари, про мать. Что если они все в опасности?

Нея завертела головой: «Нет! Нет!» Она не выдала их. Сестрёнка шагнула к нему в объятия, и он снова прижал её к себе.

— Они сказали, что отрежут язык, если мы скажем про них?

Нея кивнула и сделала жест рукой — так, что стало понятно: убьют.

Они стояли в тишине. Нея плакала, выпустив наконец тот страх, что поселился внутри, и Тэм, обнимая её за плечи и припав губами ко лбу, шептал:

— Мы будем молчать, Нея. Ты же знаешь, мы будем молчать.

Тэгра ворвалась в хижину Тати Иафа. Скривилась, полоснув пылающим взглядом по Йулли и Ари. Йулли была милой, доброй девушкой, местной красавицей, усладой для глаз и души. Тэгра любила её. Но сейчас женщине было неприятно видеть, как дочь старейшины возится с этой .

Йулли обмыла рану и теперь намазывала ногу девчонки вонючей мазью из трав и улиток, и та морщилась, скалилась, сжимая зубы. «Чтоб тебя!»

— Иаф! — сердце колотилось, как после долгого бега.

С возрастом характер Тэгры испортился, слишком много забот легло на её плечи. Она прославилась острым языком и взрывным нравом — и сейчас, когда ей нужно было постоять за своих детей, это было так кстати. Она тяжело дышала, руки, ещё влажные от мокрых «тряпок», похолодели. Тати вышел из комнаты и уставился на неё. Напряжение уже скопилось в воздухе, и ему не надо было объяснять, что разговор не будет приятным. Он нахмурился прежде, чем гостья открыла рот.

— Накажи ЕЁ! — громко — так, что едва не заложило уши, потребовала Тэгра, одной рукой тыкнув в старейшину, а второй указав на Ари. — Накажи её, а моих детей оставь! Не смей их трогать, слышишь?!

Её глаза то пылали, как два костра, то пускали молнии, и Иаф мгновенно вспыхнул сам. Он схватил Тэгру за локоть со словами: «А ну-ка пойдём» и потащил её к выходу.

Шли не долго. Когда Иаф убедился, что лишних ушей поблизости нет, он повернулся к женщине, обратив на неё перекошенное гневом лицо.

— Ты забываешься, Тэгра! — начал он. — Я всегда хорошо относился к тебе. За твою доброту, за храбрость и в память о Йорге!

Имя покойного мужа заставило женщину вздрогнуть, но Иаф и не думал сжалиться. Он специально целился в рану, что не смогли залечить и года, и не собирался останавливаться. Он продолжал:

— Я всегда уважал тебя! Помогал! Защищал! С каких пор ты указываешь мне? Ты забыла, что старейшина должен чтить закон нашего племени? Или ты забыла, что сама должна его чтить? Или, может, ты считаешь, нам пора поменяться местами?

Его лицо покраснело от напряжения, изо рта вылетали капельки слюны. Но слова его не достигли цели, Тэгру самому трясло от гнева.

— Может, и пора, если ты забыл, что такое справедливость! — с трудом сдерживая крик, прошипела она в ответ. — Разве моя Нея повела их в лес? Разве это Тэм? А? Скажи? Разве ты не знаешь, что мои дети не виноваты? Разве это честно? Ответь!

Иаф переменялся в лице, по нему на мгновение проскользнула тень сомнения. И Тэгра, почувствовав его слабость, перешла в наступление, размахивая руками в попытке доказать свою правоту:

— Её накажи! Её! Если бы не эта дрянь, этого бы не случилось! Мой Тэм никогда не нарушит закон, не говоря уже о Нее! Или ты не знаешь моих детей? Они выросли у тебя на глазах! Если бы не она, они давно были бы дома!

— Тэгра, — Тати Иаф выставил палец, точно указку. От напряжения у него заходили желваки. — Перестань так говорить об Ари! Я запрещаю!

— То, что ты её опекун, не значит, что она — твоя дочь!

Это вырвалось. Зрячая. Как она могла ляпнуть такое? Тэгра аж побледнела, осознав свою ошибку, побледнел и Иаф. Он перехватил её руку и крепко сжал.

— Ты сошла с ума, Тэгра? — прошипел он так, что мурашки поползли по коже. — Ты потеряла последний стыд — говорить мне такое! Откуда эта ненависть в тебе? Ты никогда не была такой! Эта ненависть ослепила тебя!

Поняв, что хуже уже не будет и что, если сейчас она сдастся, то проиграет, Тэгра выплюнула со всей злостью, на которую была способна:

— Она будет такой же шлюхой, как и её мать.

В руке стало больно, хрустнули пальцы, и захотелось вскрикнуть, но она сдержалась — выдержала и боль, и прожигающий насквозь взгляд. Иаф стал красный, как потроха крака.

— Инди давно в мире предков, в вечном царстве богов, — прошептал он. — Ты не боишься вызвать её гнев? Твой Йорг ведь тоже там. Он ведь тоже слышит твои слова! Уверен, ему стыдно за тебя! Чти предков, Тэгра! Это наш закон! Иначе мне придётся наказать тебя, — старейшина с силой оттолкнул от себя женщину.

Она сделала несколько шагов назад, споткнулась, запутавшись в траве, и упала, распласталась в нелепой позе. Прочла по лицу, что он не хотел, но и помогать не спешил. Смутился, что был груб, перегнул, но побоялся, что, если протянет руку, она примет это за слабость. Словно решив подвести итог, он добавил:

— Помни, что они были достойнейшими из нас.

В разлившейся тишине стрёкот цикад казался оглушительным, тут же где-то поодаль громко ухнула птица. Тэгра осталась лежать, опершись на локти.

— Им должно быть хорошо вместе, а? — тихо, с холодным сарказмом спросила она, и Иаф почувствовал, что его второй раз словно окатили кипятком.

— Ты сошла с ума, Тэгра, — повторил он и сжал кулаки. — Ты сама слышишь, что ты несёшь?

Чтобы сдержать непрошенные, сдавившие горло, слёзы, Тэгра замолчала и прикусила губу. Что сказать? Что сказать, если одна мысль об этом пронзает насквозь. Что сказать? Если с каждым днём всё виднее, что эта маленькая дрянь похожа на Йорга больше, чем её собственные дети.

— У меня ещё есть глаза, Иаф, — прошептала она, с трудом глотая собственную боль. — У меня ещё есть глаза.

Тати Иаф давно ушёл. Тэгра лежала в траве, глядя в почерневшее небо. На нём всё ярче разгорались россыпи звёзд. Ей было больно. Эту рану она разбередила сама, впервые высказав вслух мысль, что всё чаще терзала её по ночам, мешая уснуть.

«О, дьярт! Кто тянул её за язык?! Кто мешал ей носить эту боль в себе?»

Пять лет назад Иаф стал опекуном Ари. Девчонка никогда не была ласковой и послушной, а после смерти матери и вовсе замкнулась. Лишь Йулли, доброе дитя, несмотря на не очень большую разницу в возрасте, смогла расшевелить её, найти к ней подход и стала не просто старшей сестрой, а почти мамой. Они и дети Тэгры росли вместе, и это было счастливое время. Играли, бегали, обливались водой, учились охоте и всяким хитростям, лечили синяки и получали первые раны. Да, это было счастливое время.

Тэгра любила наблюдать за ними, любила слышать их смех. Её сердце было спокойно, когда она думала, что исполнила последнюю волю Йорга. Да, ей казалось, что она всё делает правильно, прикипев к этой девочке и впустив её в свою семью. Она возилась с Ари, как с родной, вытягивала из волос вшей, доставала занозы и чинила одежду, делилась едой и разрешала остаться на ночь.

Но приблизительно год назад, Тэгра вдруг поняла, увидела что-то в чертах девчонки — в мимолётной улыбке, в походке, смехе, в манере держаться — что-то до боли знакомое. Она увидела Йорга. И боль пронзила её, вошла глубоко в грудь, как вражеская стрела, как яд, что не вывести.

Иаф давно оставил её одну.

— Даже если так, — бросил он, уходя. — К чему всё это теперь? Их обоих нет.

«К чему?» Мысли женщины витали, углубляясь всё дальше и дальше в прошлое, во времена славной молодости, когда казалось, что жизнь прекрасна и так будет всегда, и мир вокруг весь для тебя.

Они договорились встретиться у тропы, ведущей к реке. День был жарким. Хотелось охладиться, смыть с кожи соль, освежить волосы. Тэгра пришла чуть раньше. На раскинувшейся ветви лиопе поспели плоды — рики — яркие, сочные. Их оранжевые прогретые солнцем бока игриво проглядывали сквозь листву. Всё, что можно было легко достать, уже давно объели дети. Уцелели лишь те, что росли высоко. Самые вкусные. Они всегда доставались птицам или кому-то из суетливых драчливых зян.

Тэгра сняла с плеча лук, приладила стрелу и натянула тетиву. Вжух. Стрела ушла выше цели. Ещё попытка, ещё. Одна стрела вонзилась в рик, он завертелся, раскололся и две его половинки шмякнулись наземь. Тэгра с грустью взглянула на них. Такое есть не станешь.

— Дай стрелы, — сказала Инди, и Тэгра покраснела, догадавшись, что подруга давно наблюдает за ней.

— Это последняя, — она кивнула на стрелу, что торчала из разбитого рика.

Инди подхватила её и, забрав у подруги лук, прицелилась.

— Иди ловить, — велела она.

Стрела послушно запела, мгновенно сорвавшись с места, взлетала к самой макушке дерева и перебила ветвь. Тэгра едва не упустила рухнувшие вниз сразу три сочных, вкуснейших рика. Когда они оказались у неё в руках, девушка заулыбалась той доброй светлой улыбкой, которая её невероятно красила.

— Ты всегда была лучшей, — сказала она, и, отерев о себя один рик, а остальные отдав Инди, с удовольствием вонзила в него зубы и зажмурилась, наслаждаясь вкусом. Идеальный! Сок брызнул и потёк по подбородку, Тэгра тут же стёрла его запястьем.

Инди уселась на поваленное дерево, отложила рюкзак в сторону. Её тёмные, струящиеся по спине, волосы переливались в лучах солнца. Она чуть морщила тонкий изящный носик, щурясь, слишком ярким казался свет.

— Какая же ты красавица, — вырвалось у Тэгры, и подруга повернулась к ней, одарив задорным, каким-то искристым взглядом, отчего Тэгра залюбовалась ей ещё больше.

Стройная, гибкая, быстрая. Волосы как водопад, тёмные, мягкие. Глаза — горячая бездна под сводом ресниц. Губы алые, сочные. Красота Инди завораживала. Но и это не всё. Инди умела бесшумно ходить по лесу, взбираться на деревья и перемещаться по ним с ловкостью мяуц. Затаившись и оплетая ногами ствол, она словно сливалась с ним, а её стрела разила птиц и зверей так точно, что добыча умирала без мук, не успев испытать и тени страха.

— Слышала, что ты убила змееголова, — смеясь, вдруг выпалила Тэгра. — И что он уже хотел поужинать Клыкком. Даже не верится, что наш всезнайка Клык не заметил этого! Это правда? Скажи? Правда, что он чуть не умер то ли от страха и то ли от позора, когда твоя стрела вонзилась в раззявившую пасть гадину у него над головой, а на лицо брызнула кровь. Говорят, это было незабываемо!

Инди усмехнулась, не придавая словам подруги особого значения. Она не любила, когда её заслуги выставляли напоказ.

— Кто же это разболтал? — с едва заметным сарказмом спросила она, намекая, что Йоргу было бы неплохо научиться держать язык за зубами. На что подруга лишь улыбнулась. У них с мужем не было тайн друг от друга.

— Похоже, теперь и Клык будет без ума от тебя.

— Глупости. Скорее наоборот. Всё, что его интересует — это как обойти Иафа и стать старейшиной. Он только и ждёт, когда тот допустит ошибку.

— Всё равно ты можешь заполучить любого, — заговорищики прошептала Тэгра.

Инди фырнула, словно это было последнее, о чём она хотела думать. Она была охотницей. Била зверьё наравне с мужчинами и могла спать, с кем захочет, никто и не вздумал бы её стыдить. Её уважали. Тот, кто кормит племя и может забить в одиночку луму, в праве иметь привилегии.

— Неужели добыча интересует тебя больше, чем мужчины, — продолжала Тэгра.

— За добычей надо бегать, а мужчины приходят сами, — спокойно ответила Инди.

— Говорят, что и Иаф приходил, — завернув вопрос в сплетню, поинтересовалась Тэгра. — И даже просил тебя стать его женой.

Инди подняла позабытый кем-то из детей недоделанный венок из цветов и принялась его рассматривать, милостиво терпя все расспросы подруги. Отвечать она не спешила.

— Приходил? — не унималась Тэгра, но так и не дождалась ответа. — Эй, неужели нет до сих пор того, кто покорило твоё сердце?

— Нет. И не будет. Ну хватит, — сказала Инди и поняла, что вышло резко, её голос тут же стал мягче. — Слушай, солнце садится. Мне пора собираться. Скоро выдвигаемся, — попыталась объяснить она, почувствовав, что её реакция обидела подругу.

— Подожди! Мы же хотели ещё сходить на реку! — запротестовала та, догадавшись, что сама чем-то задела Инди.

— В другой раз, Тэгра. Будет ещё время. Сейчас мне стоит подготовиться.

Тэгра смотрела вслед удаляющейся фигуре. Венок так и остался лежать на бревне, и она подхватила его, покрутила в руках. «Красивый и ничей», — промелькнула мысль, от которой сделалось грустно. И она вновь посмотрела на залитый вечерним солнцем силуэт.

— Удачи тебе, — прошептала девушка.

Тэгра бежала изо всех сил. Догнать Инди едва ли было возможным, но она догадывалась, куда та направилась. К реке. Только зачем?

Позади остались костры и всё племя, звуки барабанов и бубнов, выбивающих ритм хлопков ладоней и стоп, гул голосов и дурманящая, пьянящая атмосфера праздника. То был День восхваления Великой Утты — Богини-Матери, подарившей жизнь всему существу и создавшей саму Арма-Хадж.

Разгорячённые полуобнажённые мужчины, на потных торсах которых поблёскивали блики костров, а в глазах горел настоящий азарт, устраивали состязания под ликующие выкрики толпы. Они метали копья и вступали в схватку друг с другом, выпускали на волю змей и птиц на потеху детворе, позволяя подрастающей смене проявить себя. Считалось, что тот, кто пролил честно кровь в этот святой день, будет помазанником самой Богини и удача пребудет с ним целый год.

Танцы, завораживающие движения разгорячённых тел, песни, льющиеся откуда-то из самых недр души, и дразнящий аромат жарящегося на углях мяса, щедро политого мёдом, мяса, тающего на языке и наполняющего нутро сладким блаженством — всё это делало этот день особенным.

Разве можно уйти отсюда по своей воле? Тэгра успела передать годовалого Тэма в руки одной из женщин и заметить, что Йорг готовится сразиться с Иафом. Они уже сблизились, передвигаясь по кругу и сокращая дистанцию. Ей стоило бы остаться с мужем и поболеть за него, но она рванула в чащу.

— Инди! — она остановилась и завертелась на месте, пытаясь отыскать глазами подругу. — Инди! Что-то не так?

На мгновение её накрыло отчаяние. Показалось, что сейчас должно случиться что-то непоправимое. Как назло, Инди не отзывалась. «Где она? Дьярт!»

Рёв водопада заглушил все остальные звуки. Вода разбивалась о камни, набирая скорость и рассыпаясь на тысячи брызг. Ночь давно окутала Арма-Хадж, и разглядеть что-либо было сложно, но путь воды и это место каждый ребёнок знал с детства.

— Инди! — взывала Тэгра, объятая ужасом.

Ей вдруг показалось, что что-то мелькнуло чуть выше на каменном выступе, показалось, что она видит силуэт подруги. Сердце объял ужас. «Неужели она хочет спрыгнуть? Это же верная смерть!»

— Инди!

Тэгра метнулась за ней, большие всего на свете боясь опоздать. Она лезла вверх по каменной гряде, и фигура Инди уже чётко вырисовывалась на фоне ночного неба.

— Я иду к тебе! Подожди меня! — кричала она, и когда поднялась, поняла, что Инди слышала её.

Сердце бешено билось в груди. Тэгра опустилась на камни рядом. Что сказать — не знала. Хотелось молчать, хотелось, чтобы Инди всё рассказала сама. Доверилась.

— Что-то случилось? — наконец, спросила она.

А Инди взглянула на неё холодно. От этого взгляда всё внутри съёжилось.

— Что не так? — снова спросила Тэгра.

Мелкие брызги летели им в лица, оседали на одежде, напитывая влагой, и Тэгра вдруг всё поняла. Увидела заметно округлившийся живот подруги.

— Ты ждёшь ребёнка? — изумилась она, и её тут же наполнила радость, словно речь шла про её собственное дитя. — Почему ты не сказала мне? — изумилась она, но Инди упрямо молчала, плотно сжав губы.

В глазах её разгоралась злость, но Тэгра словно не замечала этого. И всё же молчание затягивалось и становилось напряженнее, в конце концов, и Тэгра насторожилась.

— Послушай. Ты не хочешь это дитя? Но ведь это будет так здорово! Наши дети будут играть вместе! Разве мы не хотели этого? — девушка накрыла ладонью руку Инди, но та переменила позу и, подтянув ноги, в немом отчаянии закрыла лицо руками.

— А кто отец? — осторожно спросила Тэгра.

— Я не знаю, — быстро ответила Инди и встала, явно желая закончить допрос.

Тэгра поднялась следом, изучая подругу взволнованным взглядом и пытаясь прочесть ответы. «Как же так?» «А вот так!» — в глазах Инди плескалась боль, и Тэгра вдруг почувствовала свою вину. Только за что?

— У меня родится дочь, я назову её Ари. У неё нет отца и не будет. Она только моя. И ещё Ильда сказала, что она будет особенной. Сама Богиня благословила её. Мда Спустя два дня после того случая с Клыкком, мы были с ним на охоте. Зашли далеко, я ту местность совсем не знаю. И Клык бросил меня. А потом на меня напала вэйпа — чёрная, как сама ночь. Она повалила меня на спину, я успела достать нож и уже хотела вонзить его в глотку твари, как она отступила. Просто обнюхала грудь, живот и отступила Я знаю, что так не бывает. Вэйпы не из тех, кто испытывают жалость или сострадание к жертве. Встреча с ней сулит смерть. О, дьярт, зачем я это тебе говорю? — Инди резко поднялась, казалось, ей неприятно находится здесь.

— Инди, — окликнула подругу ошарашенная Тэгра, когда та, не дожидаясь её, стала резво спускаться вниз.

— Знаешь что Перестань таскаться за мной, — велела она, и голос Инди звучал жёстко и зло. — Наши дети не будут играть вместе.

Время шло. Многие просили её руки, но Инди так и не вышла замуж. И даже, когда живот её стал совсем большим, желающих взять её в жёны не убавилось. Только имя отца ребёнка она так и не назвала.

После рождения дитя она совсем замкнулась. Всё меньше смеялась, реже приходила посидеть у Вечного пламени, чей огонь должен гореть всегда во имя Богини-Матери. Она больше не заходила поболтать, избегая всяких встреч с Тэгрой, а та тяжело переживала разлуку. Впрочем, глупо винить во всём только Инди. Тэгру слишком занимали хлопоты с собственными детьми. Нея часто болела. Она росла слабой и трусливой девочкой, а Тэм Тэм был совсем ручным. И так время шло, и они уже не проводили его вместе.

А потом, когда дети стали старше, Тэму было — шесть, Ари — пять, Нее — четыре, Инди стала часто уходить из посёлка, и её всё чаще видели сидящей на островах. И всё потому, что её лучшей подругой стала Ильда. Шаманка. Тэгра иногда видела, как они сидят у костра, возносят молитвы Богине-Матери, шепчутся, прижавшись друг к другу плечами. И было неприятно смотреть. Внутри просыпалась тоска по утраченной дружбе.

Тэгра смахнула слезу.

— Я ведь любила тебя, Инди. За что ты со мной так? — прошептала она.

А потом Инди погибла. Прыгала по островам, пытаясь вернуться на Плато и сорвалась. Какая ужасная смерть. Один из дозорных успел заметить её, но сделать ничего не смог.

Тэгра села, поправила слипшиеся волосы, вытерла щёки. Вспомнила, запрокинув к звёздам голову, как все горевали. Она сама плакала не один день.

Йорг погиб приблизительно спустя год. Раньше Инди всегда прикрывала его на охоте. Когда они уходили вместе, их походы были успешными. Всякий раз они приносили зверя. Конечно, он тоже по ней грустил.

В тот день удача благоволила ему. Йоргу удалось подстелить большого рогатого лены, но лень упал в реку и пришлось долго идти за ним, прежде чем удалось достать. Путь назад оказался очень тяжёлым, а у самого посёлка, на него напали вэйпы. Это была пара и им хватило бы добычи, что бросил Йорг, да только он ранил одного, а тот вцепился ему в бедро, потом располосовал когтями грудь и задел шею.

Когда подоспели дозорные, Йорг был слишком бледен, он потерял много крови. Его понесли сразу к Ильде. Шаманка умела не только шептаться с ветром, но и шить раны да варить лучшие целебные зелья. Только не все верили в её чудеса, многие втайне отзывались худо и Йорг был из таких. Ильда не стала помогать. Она сказала только:

— Он всё равно умрёт. Там, — она взглянула в небо, — ему самое место.

Она взяла бубен, зажгла пучок самых вонючих трав и стала отбивать ритм, двигаясь в ритуальном танце. Йорг лежал на земле, вокруг столпились его друзья, соплеменники. Вместо того, чтобы действовать, они все просто застыли. Потому, когда прибежала Тэгра, было поздно. И последнее, что она услышала, была просьба. Тэгра не поняла тогда, почему он сказал:

— Ари. Обещай, что поможешь ей.

И уже через мгновение его лицо застыло, он словно заснул. И она расплакалась, впившись пальцами в его тёмные волосы, вглядываясь в застывшие навек глаза. Йорг всегда всем помогал. Шкурой своей рисковал, мог отдать последнее. И даже в минуту своей смерти он думал не о себе и даже не о своей семье, он думал о маленькой девочке, у которой не осталось никого. Тэгра целовала его руки и просила Богиню-Мать, просила до хрипоты — вернуть его. Просила предков разрешить ему приходить к ней во снах и раз уж иначе нельзя, принять её мужа, как героя, с почестями.

Но теперь, когда она смотрела в лицо уже подросшей девочки... когда видела её улыбку, видела свет, льющийся из этих тёмных, как звёздное небо, глаз, она поняла. Он просил за неё не случайно. Нет. Даже если он сам не знал этого наверняка, теперь всё очевидно. Она его дочь! Совершенно точно она — его родное дитя.

Глава 4. Завтра

— Как ты? — мягко спросила Йулли.

Ари, что сидела на полу, нахмурившись и нахохлившись, точно промокший под дождём птенец, неожиданно для себя залюбовалась ей. Светлые, почти белые, выгоревшие на солнце кудри Йулли скручивались, точно усы винограда, в мелкие завитки. Глаза сине-зелёные, бездонные, обычно весёлые, подкупали затаённой внутри тревогой. Руки её всегда были нежными. Даже когда Ари сопротивлялась и пыталась оттолкнуть, даже когда заслуживала хорошего тумака, Йулли ни разу не ударила её, ни в шутку, ни слегка.

Мудрая не по годам, она ведь сама потеряла мать, Йулли знала, чувствовала, что очень нужна ей. Она умела найти слова и обнять так, чтобы не хотелось сбежать. Только скоро Йулли уйдёт. Бросит её навсегда. Ровно через три дня, в свой день рождения, она станет взрослой. И за ней придёт Гавар. Она станет его женой.

— Тебе лучше? — Йулли закончила делать повязку и провела рукой по лицу девочки так нежно, что захотелось прижаться щекой.

Вместо этого Ари насупилась ещё больше, подтянула к груди ноги, и спросила:

— Почему все ненавидят меня?

Йулли искренне удивилась, отчего брови её взметнулись вверх.

— Кто ненавидит? Зачем ты так говоришь? — возмутилась она, устроившись рядом.

Ари, не найдя, что сказать, отвернулась. Сейчас она была похожа на обиженного на весь мир шикшимыша, что решил не возвращаться в родную нору: и пусть его разорвут вэйпы или хитрый лиус — всё равно он будет стоять на своём. Йулли так ярко представила себе эту картинку, что не смогла сдержаться и улыбнулась.

— Кто тебя ненавидит, глупая? — спросила она, легонько толкнув «сестрёнку» плечом.

И Ари, отчаянно желавшая разозлиться на то, что над ней насмеются, не смогла. Уж слишком много тепла и любви исходило от девушки. И действительно показалось, что все её мысли, страхи — всё это чушь. Внутри что-то зануло, хотелось сказать, что она будет скучать, что на свадьбу она не придёт, пусть хоть волоком её волокут, пусть ей придётся сидеть одной в хижине и в посёлке не останется никого, кроме неё. Пусть! Гавар не вправе их разлучать!

В растравившем душу порыве Ари вдруг обняла девушку, прижалась лицом к её груди. И так хотелось сказать всё это, но из уст вырвалось совсем другое.

— Все меня ненавидят! Все! Я вам только мешаю! — упрямо повторяла она, а Йулли гладила её по голове и возражала мягко, но настойчиво, без тени сомнения в голосе:

— Не говори ерунды. Это не правда. Мы все тебя любим.

— Особенно Тэгра, — не сдавалась Ари.

— Но Тэгра не все, — заметила Йулли и добавила, тут же посерьёзнев. — Она переволновалась просто. Вас долго не было. Прости её. Ладно?

Йулли говорила что-то ещё, вспоминала их детство и то, сколько раз они влипали во всякие переделки, но, как ни странно, им всегда удавалось избежать наказания. Её слова текли ласково, плавно, время будто замедлилось. Перебирая пальцами пряди, распутывая их, Йулли с нежностью гладила волосы девочки, уложив её голову себе на колени, и по телу разливалось приятное тепло, а на душе становилось спокойно.

— Мы все тебя любим, Ари. Верь мне. Сейчас придёт папа. Уверена, он что-нибудь придумает. Всё будет хорошо. Ладно? Никто тебя в обиду не даст.

Йулли поцеловала Ари в лоб, чуть-чуть укачивая, словно та была совсем крошка. И Ари кивнула.

Конечно, Иаф что-нибудь придумает. Ари не хотела, чтобы из-за неё досталось Тэму и Нее.

— Расскажешь, где вы были? — осторожно спросила Йулли, когда девочка совсем ослабилась и голова её потяжелела.

Кажется, самое время обсудить произошедшее, но Ари мгновенно вновь так напряглась, что стало ясно: ещё слово — и упрямая девчонка спрячется в свою невидимую раковину, и тогда из неё точно нельзя будет вытянуть ни слова. Они немного помолчали, прислушиваясь к привычному стрекоту цикад и редким выкрикам птиц.

— А ты расскажешь — Ари хотела что-то спросить, но смутилась своих мыслей и замолкла.

— Про что? — охотно оживилась Йулли.

Сейчас она готова была рассказать всё, что угодно, лишь бы разговорить «сестрёнку».

— Как вы познакомились с Гаваром? — Ари хотела спросить другое, но то слишком уж личное.

При упоминании жениха — храброго, сильного юноши из соседнего посёлка, Йулли расплылась в счастливой улыбке, обнажая красивые белые зубки.

— Разве я не рассказывала тебе? — удивилась девушка.

Щёки её тут же порозовил румянец, и она рассмеялась тем добрым, ненавязчивым смехом, от которого на душе делалось хорошо.

— Мне кажется, я уже рассказала об этом даже разноцветным аем, что чирикают с утра до ночи над нашей хижинкой! Уже и многовековые туйпы, что роняют листья в воды матушки-реки Иссы, слышали эту историю! А ты нет?

Ари с интересом посмотрела на Йулли. Это было так странно и волнительно. Только сейчас девочка заметила, что Йулли по-настоящему счастлива. Её глаза светились, и улыбка не сходила с лица.

— Точно рассказать? — уточнила она.

Ари улыбнулась сама и кивнула. Куда-то делась её злость на Гавара. Как можно на него злиться, когда одна мысль о нём делает Йулли такой.

— Лааааадно, — девушка снова запустила руки в волосы Ари и начала свой рассказ. — Ты помнишь тот день, когда Тори пересолил мясо и все собрались у костра, а Клык и Вэдс, что несколько дней выслеживали лентя, клялись, что если Тори ещё хоть раз возьмёт в руки соль, они зажарят его самого? Ночью все хотели пить, и я решила, что встану пораньше и принесу несколько кувшинов воды для тех, кому сложно ходить на реку.

— Я помню, ты говорила, что вода была мутная у берега, видимо, только что прошло стадо мёрдэй. И ты зашла в реку, а когда набирала воду, кувшин выскользнул и его понесло течение. И ты сама поскользнулась, — вспомнила Ари.

— Так ты всё знаешь! — засмеялась Йулли и быстро поцеловала её в лоб.

— А потом? — спросила девочка.

— Потооооом, — протянула Йулли с трудом сдерживая дразнящее, сладкое ликование, щекочущее внутри. Воспоминания будоражили и казались такими яркими и живыми, будто всё это было не месяц назад, а буквально вчера.

— Ну же, говори! — нетерпеливо попросила Ари, она сама едва не дрожала от странного, охватившего душу и тело волнения.

— Я упала и испугалась. Течение подхватило меня! Зря я пошла короткой дорогой, надо было зайти в воду правее, там, где течение спокойнее, и удобный спуск. В общем я поскользнулась, вода закрутила меня, руки и ноги скользили по мокрым камням, в какой-то момент мне стало действительно страшно.

— А как там оказался Гавар? Он что — следил за тобой? — встряла Ари.

— Нет же! — возмутилась Йулли. — Он с отцом был на охоте. Так совпало, что они оказались рядом. Гавар увидел меня, стянул через голову тунику и прыгнул в воду.

Йулли замолкла, отдавшись воспоминаниям, и Ари дёрнула её за рукав.

— А потом?

— Потом он помог мне выбраться. Мы вышли с другой стороны реки, и лежали на песке, пытаюсь отдышаться. Солнце грело так жарко, а нам было холодно. Вся кожа покрылась пупырышками. Гавар сначала лежал рядом, потом чуть приподнялся, заслонив собой свет. Знаешь, — Йулли рассмеялась, вспоминая этот момент, — у него были синие губы, а с волос стекала вода. Он спросил: «Всё хорошо? Не ушиблась?» Ииииии он был так близко, и так смотрел на меня. Одна капля сорвалась с его волос и упала мне вот сюда, — Йулли провела рукой по щеке

— А потом? — взмолилась «сестрёнка».

— А потом, он стёр большим пальцем эту каплю, я почувствовала жар его ладони, и моё сердце замерло И тогда он меня поцеловал.

Ари молчала. Ей казалось, что только что кто-то касался её собственных губ. Она видела перед собой Тэма. Сколько раз они были так близко она чувствовала, что хочет поцеловать его, чувствовала его манящее тепло. От одной этой мысли приятная волнительная нега разливалась внутри, зарождаясь где-то в животе и поднимаясь выше.

— Ну ладно. Хватит болтать. Сейчас придёт папа, а тебе надо поесть.

Йулли хотела встать и уже начала подталкивать Ари, сдвигая со своих колен, как та сама резко перевернулась и, усевшись на циновку, спросила то, ради чего вообще затеяла весь разговор:

— Откуда ты знаешь, что любишь его?

Этот вопрос застал Йулли врасплох. Порозовевшие щёки ещё ярче зарделись. Она сомневалась всего мгновение, стоит ли говорить об этом с Ари, та ведь ещё совсем дитя, и всё же ответила:

— Потому что я хочу целовать его... Всегда.

Они молчали минуту, каждая задумалась о чём-то своём. А когда Ари уже поднялась, вполне довольная тем, что услышала, Йулли вдруг схватила её за руку и сказала:

— А знаешь, Ари, это не главное

Девочка повернулась к «сестре». Своим маленьким пылким сердцем она словно почувствовала, что сейчас ей откроется тайна. Тайна, что стоит дороже любого трофея, тайна, которую носят в себе, а не произносят вслух. Её хранят от посторонних людей и богов, хранят даже от самых близких лишь бы не накликать беду. Сине-зелёные глаза «сестры» смотрели серьёзно, но словно сквозь неё, смотрели куда-то вдаль:

— Я знаю, что люблю его, потому что мне кажется, я без него умру.

Когда Тати Иаф вернулся, девочки сидели за столом. Ари с аппетитом ела лепёшки и пила воду, смешанную с соком и мякотью фруктов. На столе подрагивало пламя свечи. Едва отец появился в дверном проеме, Йулли нахмурилась. Она заметила, что он сам не свой. Заметила это и Ари. Воздух в хижине словно стал тяжелее и гуще, пропитавшись его тяжёлыми мыслями.

И когда Иаф молча приблизился и, всё так же ничего не говоря, взглянул Ари в глаза, осторожно взяв её за подбородок, они обе замерли в недоумении.

Что происходит? Он пришёл её наказать? Будет ругать? Винить? Тэгра добилась своего?

— Папа? — всё же окликнула его Йулли, первая сбросив оцепенение.

Она аккуратно убрала его руку от лица «сестрёнки». Йулли чувствовала, что-то пошло не так, но отказывалась это принимать, ведь нет такой беды, с которой они бы не справились.

— Всё хорошо? — мягко спросила она.

Отец перевёл на неё мутный, какой-то отрешённый взгляд.

— Ты же всё слышала, — немного резко ответил Иаф, вспомнив, как смотрел на него Клык.

Да, с Клыкком у них были давние счёты, но как это низко отыгрываться на детях. Погружённый в свои мысли, Иаф тяжелой походкой направился в свою комнату. Йулли, ошеломлённая его отрешённостью, тут же бросилась за ним и успела нырнуть под приподнятый его рукой полог.

— Но ты же можешь что-то сделать? — спросила она, заметно волнуясь. — Ты должен! — вырвалось.

— Завтра всё будет решать Совет. Как они скажут, так и будет, — устало ответил он.

— Папа! — вскрикнула Йулли, она не верила своим ушам.

Пару секунд девушка стояла растерянная. Она отчаянно искала выход. Ещё есть время что-то придумать. Ещё есть время! Её хотелось выкрикнуть это, но с каждой секундой становилось понятнее — всё бесполезно. Отец действительно сдался. А ведь он по-настоящему любил Ари. Да, конечно, не так как её, Йулли, свою родную дочь, но любил!

— И что же? Ты даже не спросишь, что с ней приключилось, и где она была? И даже не поговоришь с ней? — спросила она с разрастающимся в груди волнением.

— Зачем? — голос отца был сухим и холодным, и Йулли замерла, отказываясь верить в то, что слышит.

Сейчас она не узнавала его. Он стал каким-то чужим.

— Зачем? — повторил он с нажимом, заметив её немой укор, а потом отвернулся, и плечи его опустились. — Если племя восстанет, я не смогу её защитить.

— Ари! — Йулли выскочила за порог хижины, ища в сгустившейся тьме силуэт девчонки.

Ночь уже плавно спустилась на лес, небрежными полосами раскрасила небо, выпустила резвиться проснувшихся летучих мышей. Вдоль поросшей мхом и травой-игринкой дорожки выстроилось ещё с десятков хижин, Ари уже прошла их все — тропа уходила в лесную глушь.

— Ари, вернись домой! — закричала Йулли, наплевав на то, что за нарушение тишины в столь поздний час её завтра будут ругать.

Девчонка, остановившись на мгновение, сказала в ответ куда тише — так, что слова скорее угадывались, чем были слышны:

— У меня есть свой дом.

Дьярт! Йулли с трудом подавила желание броситься за ней вслед. Она знала, после того, что услышала Ари, вернуть её едва ли возможно. Знала это лучше всех.

Пять лет назад, когда сорвалась Инди и эта новость облетела посёлок, когда два дня спустя провели ритуал прощания, захоронив в земле кусок глины, укутанный в платье женщины, маленькая Ари, ей было-то всего семь, замкнулась, закрылась ото всех. Она пряталась в их с Инди хижине, словно то была её крепость, никому не позволяя войти, вырываясь и убегая, если кто-то пытался забрать её против воли.

Йулли помнила тот день слишком хорошо. Она пришла последняя, когда уже все взрослые — все, кто хотел — попробовали и говорить, и раз сто уносили девочку силой. А она, точно дикая мяуц, вырывалась, визжа и крича, расцарапывая руки и лица своих горе-спасателей, хватаясь за их одежду так, что она рвалась. И вот когда все уже махнули рукой, бросив это «живое проклятие», она, Йулли, заглянула за полог.

Ари сидела на полу, обхватив колени руками, чуть раскачиваясь из стороны в сторону. Она подняла на Йулли мокрые глаза, моргнула так, что новые крупные, как жемчужины, слёзы скатились вниз, оставляя неровный блестящий след, и прошептала:

— Мама придёт, а я её жду.

И Йулли поняла тогда, что не может уйти. Она села на колени и обняла девочку, и держала её так долго, что затекли уже и руки, и ноги, и заболела спина, а она всё держала, забыв

про отца, про то, что должна была сходить за водой и про все остальные дела. И прошли так и вечер, и ночь. Ари заснула у неё на руках.

Да, это она, Йулли, попросила отца забрать Ари к себе. Она просто не могла оставить её одну. Когда-то Йулли сама потеряла мать, но была слишком мала, чтобы помнить это. Шаманка говорила, что у неё должна была родиться сестра, но смерть забрала обеих. Потому, когда Йулли обнимала Ари, она лучше, чем кто-либо понимала её боль.

Она хотела заменить ей мать, только выполнить это оказалось непросто. У Ари всегда был упрямый нрав, а после смерти Инди она стала слишком несносной — могла спорить до хрипоты, обижалась, плакала, убегала, стояла на своём до конца. Сладить с ней было всё равно, что укротить вэйпу. А её сердце стало таким ранимым, что вокруг него выросли стены.

Много раз у Йулли опускались руки. Казалось, она разбивает их о камень, о твердь самой Арма-Хадж. Каких трудов ей стоило уговорить Ари ночевать с ними, в их с папой хижине. Даже у Тэгры девчонка оставалась с куда большим желанием.

Столько лет прошло. Ари давно повзрослела. И с ней стало намного легче. Но своим домом она по-прежнему считала хижину матери. Это был её уголок, её крепость, в которой можно спрятаться ото всех. Место, где никто не увидит, что с ней творится.

Девочка давно исчезла в лесу, а Йулли всё стояла. В горле застрял ком. Она знала, что ничего не может сделать, но в голове крутилась одна и та же мысль: «Как же мне помочь тебе, Ари?»

Ари шла в тишине, нарушаемой лишь звуками леса. Хижины старейшины и Тэгры стояли по соседству, а вот до хижины Инди идти ещё далеко. Нога ужасно болела, в душу впиалась тоска. Йулли скоро уйдёт к своему Гавару. А друзья? Они тоже оставят её? Ведь если завтра их всех накажут, Нея никогда не простит такого унижения. А Тэм? Простит ли её Тэм? Да, она не просила его идти с ней, но всё равно, их накажут из-за неё. И если с Неей случилась беда, она потеряет его навсегда.

Ари с трудом сглотнула. Ветер коснулся её рук, обдал холодом, пройдясь по спине, казалось, само одиночество заключило её в объятия. Ари надеялась, что когда будет проходить мимо хижины Тэгры, Тэм заметит её, выйдет перекинуться хоть парой слов, обсудить, как вести себя завтра. Она бы сказала ему, что Иаф не станет их защищать.

Мысли крутились, перескакивая с одного на другое. Сегодня она почувствовала что-то. В том его взгляде. Когда Иаф смотрел на неё. Ей показалось, что из его взгляда пропало тепло. Словно он отказался от неё. Словно вырезал из своего сердца. Словно не узнавал.

И теперь она одна против всех.

«Нея».

От того, что Нея скажет, от того, что с ней случилось, теперь зависит, на чьей стороне Тэм. А ведь завтра он может предать её — обвинить её, Ари, при всех. Сказать, что пытался остановить.

«О, Нея». Их дружба с Тэмом теперь в её руках. Перед глазами невольно всплыл образ девочки: светло-русая, как и брат, с такими же карими глазами, она была через чур худа и слегка сутулилась. Глаза вечно испуганные, руки тонкие, ноги в ссадинах, колени содраны. Удивительно, всё это несмотря на то, что она никогда никуда не лезла. Так само получалось.

Нея всегда была трусихой и плаксой, совсем не умела терпеть боль и была б её воля, наверное, даже не выходила бы за порог своей хижины. Так и сидела бы в ней, пряталась за юбкой матери. Один лишь строгий нрав Тэгры мог заставить её выйти — нрав да полный тревоги взгляд. Тэгре было грустно видеть, что её дочь так слаба и отличается от других.

Нея не любила играть. Её не увлекали игры в реке, не увлекала ловля краков и ищерок. Даже укриц, раковины которых дети раскрывали с помощью камней и считали любимым

лакомством, она называла мерзкими. Лазить по деревьям — нет. Пойти делать ловушку для лиуса — о, Мать-Богиня, нет!

Она бы лучше сама закопалась в нору. И если бы не Тэм, она бы даже не научилась плавать. Она боялась всего! И как ни странно, но даже вполне безобидный укус мошки мог превратиться на её теле в огромный шишак.

Иногда Ари хотелось на неё накричать. Ей казалась невыносимой эти вечная осторожность и беспомощность, но Тэм нежно любил сестру, и Ари привыкла, смирилась, а потом потом разглядела, что Нея — хороший друг.

Да, Нея точно была неплохой. Она подросла, да и они изменились. У Йулли, которая раньше озорничала с ними вместе, началась «взрослая» жизнь. Она всё больше отдалялась, найдя друзей среди сверстников. Их же троица стала неразлучной.

И всё же кто знает, Нея тягалась с Ари и Тэмом потому, что ей это нравилось или только чтобы не расстраивать мать? Но совершенно точно то, что, если раньше Тэм приглядывал за ней, теперь она приглядывала за ним.

Хижина друзей давно осталась позади. Ари, конечно, хотела зайти, но побоялась гнева Тэгры. Такой злой, как сегодня, она не видела её никогда.

Мысли витали, то забегая в завтрашний день и спрашивая, что за наказание придумает им Совет, то льнули к Тэму. Тэм — единственный её верный друг. Настоящий. Нет, он не выдаст её на суде. Не скажет ничего Совету, не переложит вину. Он — единственный, кто не предаст, не бросит, как Йулли, не сделает больно. Он всегда будет рядом. Он обещал.

Ари дошла наконец до хижины и заправив за собой полог, легла на циновку.

Она знала, почему их хотят наказать. Знала, что законы придуманы не зря. Слышала, о чём шептались люди. Когда дети не вернулись к обеду, Иаф отправил на их поиски слишком много людей, даже охотники не ушли на промысел, ожидая его указаний и оставив всё племя без ужина. Все готовы были бросить свои дела, чтобы искать их. Но главная причина в другом. В передающемся из поколения в поколения страхе. Вот чего им троим точно не простят. И завтра они получают сполна за каждый раз, что ушли!

Страх надёжно поселился в сердцах людей. Он живёт в каждом взрослом и в каждом ребёнке. Его внушают с детства, его впитывают с молоком. И об этом нельзя говорить. Об этом, может быть, нельзя даже думать.

Но ведь крылатые не были здесь уже столько лет. Они прилетали, когда она была маленькой — как это было, уже и не вспомнишь.

Ари лежала на спине. Она раздвинула руки, вообразив, что находится не здесь, не в собственной хижине, а на краю Плато, и у неё выросли крылья. Она уже почувствовала вкус свободы.

Это правда. Крылатых боятся все.

Боятся и уважают. Боятся и втайне завидуют.

Боятся и боготворят.

Ари представила, что она подходит прямо к обрыву. Поднявшийся ветер колышет её перья и волосы. Она делает шаг навстречу пропасти. Падение. Взмах. Ещё. Воздух становится плотным, он её держит, она ловит его потоки. И крылья поднимают её высоко. Дыхание сбивается, дух захватывает. Она летит ввысь, к самому солнцу. Быстрее и быстрее. Она свободна от страха.

Она летит!

Утро наступило внезапно. Кто-то одёрнул полог и зашёл в хижину. Ари поморщилась, спросонья с трудом разглядев четыре чужие ноги — свет слепил глаза. Её подхватили под руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.